

А. это она, та самая Кайе Кирб, народная артистка ЭССР, лауреат всесоюзного и международного конкурсов артистов балета в Москве, звезда первой величины эстонской балетной сцены. Та самая Кайе Кирб, танцевавшая по приглашению Майи Плисецкой в Испании и только недавно возвратившаяся домой после многомесячных гастролей по Италии, ФРГ, странам Арабских Эмиратов и США в составе труппы Вячеслава Гордеева и Владимира Васильева. Труппа, участники которых иностранная реклама, не стесняющаяся называть вещи своими именами, представляла как «Звезды Большого балета». И всюду был успех. И труппа Гордеева, партнершей которого выступала Кайе, была награждена в ФРГ специальным призом «Золотой билет» как лучшая гастрольная балетная труппа года.

Именно Кайе Кирб был предоставлен первый бенефис в театре Дружбы народов в Москве, состоявшийся в октябре 1989 года. И стал событием, как становится событием каждое ее выступление — за границей или дома, премьерное или очередное. Газета «Советская культура» поместила на первой странице снимки, сделанные на этом вечере. С газетной полосы полыхнули неистовой болью египетской царицы Клеопатры ее, Кайе, огромные, во все лицо глаза с выплеснувшимся сквозь них отчаянием. И еще был 2-й акт из бессмертной классической «Жизели», в которой самоотверженная любовь героини-виолетты воплощалась Кайе почти бестелесным, оторванным от земли парением.

Этот вечер, соединивший, казалось бы, несоединимое, заставил еще раз задуматься о феноменальной способности балерины создавать столь разные образы, как царственная Раймонда и хрупкая Жизель, своеобразная Китри и трепетная Одетта, поэтичная Маргарита и трагическая Проститутка из «Чудесного мандарина» Бартока. Эта феноменальная способность проявляется в чутком ощущении стихии, в которой живут и действуют ее героини. В безукоризненном владении техникой, позволяющей справляться с самыми разными стилистическими хореографическими задачами и даже в самых драматических сценах академично сохранять чистоту форм и линий, не давая эмоциям «захлестнуть» себя. И, наконец, в ее комбинаторном служении искусству, ради которого все остальное отходит в ее жизни на второй план. Все это, безусловно, составные ее таланта, ее дара завораживать зрителя, оставляя за собой длинный шлейф «последующих», долгу приподнятость от встречи с высоким искусством.

Кайе уникальна даже внешне. Высокая, с удлинёнными пропорциями так соответствующими представлению о подлинно классической балерине, с ликом очутившимся в прекрасном. Огнелеленностью и пластичностью завершённости черт она похожа на женщин, ко-

Сов. Эстония. Таллинн. 1990-1991.

Кайе Кирб, или Кое-что о блуждающих звездах...

- Кайе Кирб... Это та самая?
- Да, это она.
- А интересно, билет на ее вечер (еще можно достать)?
- Ну, если сильно повезет...

(Из разговора перед началом «Творческого вечера Кайе Кирб» в театре «Дружбы народов» в Москве, услышанного Дмитрием Харченко, участником вечера).

которых писал Леонардо, и относится к тем немногим, кто обладает «лицом необщим выраженьем». Но «необщность» — это уже прерогатива души. А о душе — ну кто же больше знает о ней, чем сам человек?

— Кайе, в чем для вас духовность классического балета, его глубинный смысл?

— В красоте. Классический балет — это красота в ее чистом виде, это идеальная человеческая форма. Заметьте, что даже зло в классическом балете воплощено в идеальной форме. Вечные категории добра, любви, зла в балете лишены всего поверхностного, сиюминутного, абсолютны так же, как красота. Классический балет утверждает как самоценность самые высокие, самые прекрасные свойства человека — добро, любовь, свободу челове-

ского духа. И это создается через преодоление человеческого телом своего несовершенства — стремлением к совершенству.

— Труд балерины изнурителен. Что дает вам силы?

— Сложный вопрос... Я сама часто думаю, откуда берутся силы. Каждое утро просыпаюсь с ощущением, что мне ужасно тяжело встать и идти на урок. Самое трудное — начать. Но если пропустить хоть один день — становится намного труднее. Поэтом заставляешь себя, встать, приходишь на урок и начинаешь работать. Вот попалась трудная комбинация, которую очень хочется преодолеть. Чем труднее, тем больше хочется. И постепенно, особенно когда много работы — репетиции, спектакли, тело приходит в форму, появляется лег-

кость. Это особое состояние, тело запоминает его и, стремясь к нему, требует работы. Приходится все время «пылеть» ради прекрасного момента. Зато преодоление земного барьера, своего несовершенства — это такая награда!

— Недаром человеческая фантазия, завидуя птицам, наградила способностью летать только избранных — богов, ангелов, фей...

— Танец — единственный вид искусства, в котором сам человек является эрзым воплощением полетности.

— А есть что-то такое, что мешает работе?

— Ну, конечно же, есть. В искусстве ведь не так уж просто достичь взаимопонимания. Бывает, что нормальная здоровая конкуренция подменяется личной неприязнью, это очень мешает. Приходится быть очень осторожной, потому что открытое, искреннее желание кому-то помочь, что-то подсказать часто наталкивается на неприязнь и даже прямую враждебность. Иногда такое про себя услышишь — приходишь домой, сердце колотится, никак не можешь успокоиться.

— Моцарты и Сальери театра...

— Если бы Моцарты и Сальери... Просто отсутствие внутренней культуры, творческого отношения к делу. Носители подобного недоброжелательства сами, как правило, не слишком любят работать.

— Это симптомы ненормального, болезненного состояния, а болезни можно лечить, только установив диагноз. Какой диагноз поставили бы балету вы?

— Главная беда, по-моему, в том, что в работе нашей труппы есть элемент

стихийности, непредсказуемости, отсутствует твердая рука в самой организации работы. А эмоции в этом деле — не лучший помощник. И потом балетная труппа не должна замыкаться в себе. Ведь конкретный театр, коллектив — это только маленькая часть всей мировой театральной системы, его стиль не должен определяться только одним, пусть даже талантливым почерком. Это его обедняет, не дает раскрыться всем потенциальным возможностям коллектива. А сейчас балетная афиша нашего театра ограничена.

— А как задействованы в репертуаре вы?

— Знаете, я ведь танцую не так уж и много. Я прежде всего — классическая балерина, а классики у нас ставят мало. У меня сейчас только «Лебединое», «Дон Кихот», «Жизель» — вот и все. Даже «Раймонду» почему-то вывели из репертуара. Свои партии я танцую в очередь, так что бывает, выхожу на сцену один-два раза в месяц. Правда, я танцую еще в своем «Творческом вечере», но не совсем то, что мне бы хотелось. «Клеопатру» я выбрала сама, а вот вместо «Акта тень» из «Ваядерки», где мне очень хотелось бы станцевать, пришлось танцевать в «Серенаде», которая не дает исполнителю яркого материала для самораскрытия.

— Прима-балерина, лауреат, народная — и не имеет возможности выбора... А вы ставили перед своим руководством эту проблему?

— Ну уж нет! Это будет расценено как то, что я «зналась», пойдут разговоры, а я этого очень не люблю. Справедливости ради надо сказать, что в прошлом году руководство вызвало меня, чтобы выяснить, что я хочу станцевать. Я попросила «Ваядерку», но мне отказали, предложили «Спящую красавицу». Пришлось согласиться, хотя я и не очень представляю себе этот балет на нашей сцене, он требует очень большого состава и отличной формы всей труппы. Премьера предполагается... в 1991 году.

— Не слишком скоро... Да, не слишком.

— Понятно, почему вы так часто и много гастроллируете.

— Гастроли... Они, конечно, стимулируют, приносят опыт, творческое удовлетворение. Но есть и свои минусы. Артисту нужны большие, полнометражные балеты, хочется прожить свою роль полностью, в развитии, на большом «дыхании». А на гастролях, как правило, идут сокращенные варианты балетов, это обедняет образ. И поэтом, когда у нас ставили «Дон Кихот», я от гастролей отказалась.

— Сколько же вы не были дома?

— Ну, если не считать двухнедельного заезда домой, то с июня прошлого года по февраль нынешнего, девять месяцев.

— Как долго... И как же встретили вас в театре?

— Прежде всего упрекнули за долгое отсутствие. — Оно сорвало какие-то репертуарные планы?

— Нет. В этом сезоне новой работы для меня не предвидится.

— Но, может, вам как-то иначе компенсируют творческий простор — высокой зарплатой, квартирой (насколько я знаю, она у вас очень маленькая)?

— Ну что вы! Мне предлагают подписать договор на 350 рублей в месяц, это много меньше, чем у некоторых работников театра. С квартирой тоже ничего не обещают, просила выделить мне садовый участок — и опять отказали. Правда, эти вопросы решают городские власти, но ведь можно действовать настойчивее. Зато посетовали, что я езжу на гастроли от Москвы, а не от Эстонии. Я могла бы ездить гораздо больше, очень интересно работать, у меня много заманчивых предложений, но я хочу сделать что-то для своего театра, своих зрителей.

— Грустно. На такой ноте разговор заканчивать не хочется. Расскажите о прошедших гастролях.

— Я словно получила толчок к жизни. Мне нужны новые впечатления, я не переношу монотонности, монотонность останавливает жизнь. Открытием оказались США — страна высокой культуры, с очень интересной архитектурой, с какой-то особой атмосферой свободы и раскрепощенности. Сами американцы — очень дружелюбные и добродушные люди. Надо сказать, что и те, с кем я ездила — и в труппе Гордеева, и в труппе Васильева, — тоже удивительные люди — добрые, открытые, очень интересные. Владимир Васильев, например, не только творчески, но и душевно прекрасен. И я счастлива, что на моем творческом пути встретился такой человек, как Вячеслав Гордеев, который покорила меня своей высокой культурой и человечностью. И партнер он прекрасный.

— Кайе, вы бы упомянули о партнере. А что вообще значит для вас как для балерины партнер, и в каком случае партнерство перерастает в дуэт?

— О, партнер значит для меня очень много! Собственно, от контакта с ним и зависит успех спектакля. С партнером должна установиться внутренняя близость, взаимопонимание, настроенность на одну волну. Когда есть такой партнер — настоящее счастье танцевать с ним. Для меня таким партнером стал Тоомас Эдур в «Жизели». Его поразительная искренность, умение смотреть на сцене глазами живого человека, а не балетного премьера, исходящая от него сила притяжения дали мне импульсы, необходимые для образа, появилась обратная связь, какое-то особое взаимопроникновение, которое, наверное, и составляет основу дуэта.

Очень много значит моральная поддержка партнера. Я глубоко и искренне благодарна Тийту Хяру, моему первому партнеру, который так поддержал ме-

ня в мой первый сезон в театре, когда я совсем еще «зеленая» готовила Одетту и Одилию в «Лебедином озере». Именно Тийт, идеальный партнер, своим искренним, бережным отношением ко мне помог раскрыться, раскрепостил меня эмоционально.

Мне очень спокойно с моим постоянным и очень надежным партнером Виктором Федорченко, знаешь, что он «выведет» из любого сложного положения, и эта уверенность дает чувство свободы. Виктор был моим партнером на всех конкурсах, и его моральная поддержка так много значила для меня! На гастролях я много танцую с Виктором Барыкиным, танцевала и с Александром Богатыревым — таким же прекрасным и возвышенным в жизни, как и его герои на сцене...

— А что бы вы хотели пожелать тем, кто сейчас еще учится, кто придет на смену?

— Прежде всего — хорошо, добросовестно учиться. Школа — основа всего, приходя в театр, мы пользуемся той базой, которую в ней получили. И еще — больше интересоваться балетом. Я никак не могу понять, почему, когда идут балетные спектакли, я вижу в зале не всех даже старцевуриков. Вспоминая свой курс, я могу сказать, что мы были фанатиками. После уроков брали проигрыватель, уходили в зал, ставили пластинки с балетной музыкой и танцевали, танцевали... Вся жизнь была в балете, даже костюмы сами шили.

— Может быть, это потому, что на вашем курсе учились Кайе Кирб и Юрий Екимов, изначально для балета предназначенные?

— Это, по-моему, следствие, а причина все-таки в том, что мы жили в балете всей душой. Очень много зависит, конечно, и от педагогов. Мне кажется, что какой бы предмет педагог ни преподавал, но если он работает в хореографическом училище, то должен обязательно быть «балетным» человеком, знать и любить балет. Ученики должны постоянно видеть в зале своих учителей — в воспитании ведь нет мелочей, а воспитание примером — самое убедительное. Если бы у меня был свой класс, я очень много занималась бы и возилась со своими учениками, даже беленькие бантики им завязывала бы. А главное, прививала бы им вкус к танцу, творческому дерзанию. Все, что видишь, — пробуй, танцуй — «Лебединое», «Жизель», «Дон Кихот»...

— Хочется надеяться, что когда-нибудь вы вернетесь в свое училище в новом качестве — педагога. И тогда начнется новая жизнь. Но ваша нынешняя жизнь в балете несет такой заряд творчества, что его хватит на много лет. Чего желаю вам и зрителям.

Л. ГРАДОВА.

На снимках: Кайе Кирб — Жизель, Клеопатра.